УДК 159.922

КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ И СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ВЕРБАЛИЗАЦИИ ЭМОЦИЙ В ШКОЛЬНОМ ВОЗРАСТЕ

Иванова Е.С.

НВПОУ «Уральский гуманитарный институт»

Представлены теоретические обоснования необходимости исследования активного словаря эмоций, который рассматривается в качестве объективированного показателя способности осознавать и вербализировать личный эмоциональный опыт в подростковом и раннем юношеском возрасте, а также усваивать общекультурные переживания, зафиксированные в языке посредством эмотивов-номинативов. Проанализированы данные экспериментального исследования на примере 600 учащихся подросткового и старшего школьного возраста с учетом гендерных особенностей. Рассмотрены результаты количественного и качественного анализа индивидуальных и общегрупповых словарей эмоций, выделены высокочастотные эмотивы в группах юношей и девушек. Установлено, что количественный прирост активного словаря эмоций, развитие содержания вербальных знаков эмоций и чувств, степень их напряженности и интенсивности хорошо согласуются с описаниями особенностей учащихся подросткового и старшего школьного возраста.

Ключевые слова: Словарь эмоций, подростки, гендерные различия.

QUANTITATIVE AND SUBSTANTIAL CHARACTERISTICS OF EMOTIONS' VERBALIZATION AT SCHOOL AGE

Ivanova E.S.

Ural Institute Of the Humanities

Theoretical justifications of research importance of the active emotional vocabulary which is considered as an objective indicator of ability to realize and articulate personal emotional experience in teenage and early youthful age, and also to acquire the common cultural experiences recorded in language by means of an emotiv-nominatives are presented. Data of an experimental study on the example of 600 pupils of teenage and advanced school age taking into account gender features are analyzed. Results of the quantitative and qualitative analysis of individual and all-group emotional vocabularies are considered, allocated high-frequency emotives in groups of boys and girls. It is established that the quantitative gain of the active emotional vocabulary, development of the maintenance of verbal signs of emotions and feelings, degree of their intensity, will be enough coordinated with descriptions of features of pupils of teenage and advanced school age.

Keywords: Emotional vocabulary, teenagers, gender differences.

Способность вербализировать свой эмоциональный опыт – важная составляющая мыслительных и регуляторных процессов личности. Артикуляция чувств и состояний – первый шаг на пути их осознанного и целенаправленного изменения. В этом отношении интересным представляется подростковый и старший юношеский возраст, что обусловлено преобладанием деятельности общения и стремительным развитием абстрактно-логического мышления в данный период. Важно понимать, что эмоциональные переживания – неотъемлемая часть как внутрипсихической жизни личности, так и составляющая культуры всего человечества. Однако, в отличие от мыслей, эмоции репрезентированы в общении и взаимодействии опосредованно – через невербальные знаки (лицевая экспрессия, цветовые символы, образы искусства) и вербальные, которые обычно подразделяются на две группы: слова, непосредственно называющие эмоции, и лексика, имеющая ярко выраженную сему эмотивности. Первая группа, включающая концепты эмоций и чувств, безусловно,

предполагает некоторое отвлеченное видение, обобщение различных переживаний, возникших в опыте субъекта, что предъявляет соответствующие требования к уровню сформированности мыслительных процессов. Вторая группа в большей мере характеризует степень вовлеченности носителя языка в разнообразные коммуникативные процессы, описывая широту и разнообразие его опыта общения с различными людьми, группами, общностями. Именно концепты эмоций и чувств, сформированные настолько, что уже стали поверхностным, легко доступным слоем лексики, тем, который проявляется как активный словарь эмоций, – и стали предметом данного исследования.

В коллективной монографии «Эмотивный код языка и его реализация» [5] проведено обширное обобщение только некоторых результатов эмотиологии: речевая и неречевая коммуникативная деятельность человека, опосредуемая эмоциями, которые, с одной стороны, являются предметом означивания, с другой – предметом выражения, с третьей – способом / средством эмоционального мировидения, получившего отражение в эмотивных кодах языка. В этой монографии достаточно убедительно показано, что проблемы противопоставления рационального и эмоционального, а их вместе – интеллектуальному, в языке больше нет, поскольку внутренняя форма слов, их семантика и синтаксические конструкции являются эмоционально опосредованными. Процесс имянаречения и процесс функционирования всех имен в различных коммуникативных локусах эмоционально мотивирован.

Тот факт, что у детей разных лингвокультурных сообществ долгое время превалирует эмоционально-образное мышление в восприятии мира и себя в этом мире (что выражается в соответствующей лексике, грамматике и интонации) говорит об эмоциональной доминанте врожденных глубинных структур как компоненте врожденного эмоционального интеллекта человека [2]. Этот интеллект остается с человеком на всю жизнь, только его эмоциональная доминанта с возрастом ослабевает, и у разных людей она либо уравновешивается с рациональным компонентом интеллекта, либо уступает ему, либо продолжает превалировать, но со значительно меньшей долей по сравнению с детским возрастом. Это соотношение рационального и эмоционального в интеллекте взрослого человека зависит от сформировавшегося у него эмоционального дейксиса, т.е. от его эмоционального фокуса как точки отсчета в (а)вербальном поведении, в индивидуальной шкале ценностей в восприятии картины мира и в его эмоциональном картировании этого мира. Отсюда для лингвистики представляет новый интерес такой объект для исследования, как креативная эмоциональная языковая личность.

Как указывает О.В. Попов [2], в сознании человека существуют индивидуальные концепты различных эмоций и чувств, но все они являются подуровнями общечеловеческих

представлений о тех или иных переживаниях. Автор признает, что толковые словари, призванные фиксировать наиболее общую картину национальных представлений несут на себе отпечаток личностных особенностей, философской и профессиональной принадлежности составителей. Далее автор рассматривает такие концепты, отображенные в словарях различных языков, как: *скука, радость, любовь, сострадание, отчаяние, восторг, восхищение, наслаждение, страх, ужас, ненависть, грусть, печаль, стыд, страсть, зависть, ревность*. Анализ, который проводит О.В. Попов, указывает, что ядро всех концептов перечисленных эмоций легко вычленяется и обнаруживается, практически совпадает первая семема в трех языках: русском, испанском, английском. Эта лингвистическая универсальность позволяет предполагать, что данные переживания во многом являются базовыми, но не в том традиционном психологическом толковании, согласно которому базовые, т.е. фундаментальные эмоции присущи и людям, и животным, а скорее, в общекультурном значении – в том, что представители различных национальностей склонны переживать сходные чувства, что закреплено в различных языках таким образом, что для всех этих эмоций и эмоциональных состояний имеются эмотивы-номинативы, значения которых практически одинаковы.

Т.В. Семенова [3] подчеркивает актуальность изучения эмоций и их вербализации как составляющих важный аспект межкультурной коммуникации. Автор придерживается все более набирающего силу подхода, согласно которому, эмоции – одна из форм отражения, познания и оценки объективной действительности, в которой человек одновременно выступает и объектом, и субъектом познания. Автор признает сложность изучения языка эмоций, объясняя ее сложностью и уникальностью самого объекта изучения, который в языке представлен двояко: как эмоциональное сопровождение речи говорящего и как объективированные знаки. Именно эта знаковая форма, форма эмотивов-номинативов выступает как объективно существующая реальность, подобно любой другой непосредственно наблюдаемой реальности. Важным заключением Т.В. Семеновой является тезис о наличии в эмоциональном опыте человечества группы ведущих универсальных эмоций, отображаемых языковыми средствами, что позволяет ожидать наличие универсальных эмотивных смыслов, ибо опыт человека в познании эмоций, как и какого либо другого фрагмента мира, закрепляется в языке.

Системный подход к исследованию вербальных способов репрезентации эмоций, реализуемый в современной лингвистике, позволяет заключить наличие двух вариантов экспрессии эмоций в языке: непосредственный, денотативный, основанный на использовании слов-названий эмоций (эмотивов); опосредованный, коннотативный, предполагающий описательную либо метафорическую форму. Первый вариант, по мнению

исследователей, объективирует эмоцию как психический феномен более явно, так как в основном значении слов-эмотивов содержится интерпретация и указания на некий концепт, систему знаний о том или ином называемом переживании [5]. В настоящее время сложилась объективная необходимость в экспериментальной проверке обоснованности перечисленных точек зрения.

В качестве испытуемых в данном исследовании выступили: 300 человек в возрасте 13 14 лет (152 девушки, 148 юношей), 300 человек в возрасте 16-17 лет (156 девушек, 144 юноши).

Сбор экспериментальных данных осуществлялся следующим образом: испытуемым выдавались стандартные бланки и предлагалась инструкция написать все названия эмоций и чувств, которые им известны. Направленный ассоциативный эксперимент проводился без ограничения времени, в групповой форме. По окончании работы испытуемых бланки собирались и подвергались содержательному анализу и количественной обработке.

Содержательный анализ включал в себя: 1) сопоставление активного словаря эмоций и чувств испытуемых в соответствии с Основным списком-227 [1]. Этот этап включал выбраковку понятий, которые имеют сему эмотивности, но непосредственно называют либо проявления эмоций (экспрессивные акты – смех, слезы), либо физиологические состояния (голод, сонливость), либо черты характера (решительность, смелость); 2) составление общегруппового списка, т.е. перечня эмотивов-номинативов, которые хотя бы единично упоминались испытуемыми. Затем определялась частота упоминания для каждого эмотива и анализировался ранжированный ряд – от наиболее частотных, до наименее частотных понятий. Отметим, что показатель свыше 10%, согласно В.П. Серкину [4], является критическим уровнем, указывающим на неслучайность появления той или иной ассоциации.

Таким образом, предметом анализа стали эмотивы, значения частотности которых свыше 10%, при этом показатель 50% рассматривался как уровень очень высокой частотности, позволяющий рассматривать данный эмотив в качестве типичного, характеризующего наиболее значимые для данной выборки переживания. Количественная обработка предполагала сопоставление объема общегрупповых и индивидуальных списков эмотивов на предмет возрастных и гендерных различий.

Рассмотрим результаты содержательного анализа и количественной обработки полученных данных. Общий список эмотивов в группе девушек – 118 слов-названий эмоций. Наиболее частотными, т.е. представленными в активных словарях более, чем у 50% испытуемых, являются: *любовь* (77%), *радость* (77%), *грусть* (64%), *ненависть* (64%), *злость* (57%), *печаль* (55%) и *страх* (52%). Отметим, что перечень из 118 общегрупповых эмотивов включает у девушек значительную группу – 76 эмотивов, которые упоминаются

менее 10% испытуемых или вообще единично. Таким образом, значительно частотными (более 10% частота упоминания) являются только 35,6% эмотивов из общегруппового списка, в том числе высокочастотными – 6%. Это характеризует индивидуальные словари девушек-подростков как наполненные общегрупповыми вербальными знаками эмоций, а также включающие эмотивы, существенно различающиеся в пределах одной возрастной группы. Среди высокочастотных эмотивов преобладают негативно-оценочные по своему содержанию концепты.

Общий список эмотивов в группе юношей – 92 слова-названия эмоций. Наиболее частотными являются: *любовь* (76%), *радость* (76%), *злость* (54%). С частотой упоминания менее 10% – 67 эмотивов. Всего значимо частотными являются 27,2%, в том числе высокочастотными – 3,3% эмотивов из общегруппового списка. Это характеризует активные словари юношей эмоций как наполненные крайне индивидуализированными понятиями, используемыми для вербального означивания эмоционального опыта. При наложении наиболее частотных эмотивов (имеющих более 10% частоты упоминания) обнаружилось, что в обобщенный словарь девушек включены все частотные эмотивы юношей. В нем также присутствуют эмотивы отрицательных переживаний: *беспокойство, усталость, волнение, расстройство, ревность, зависть, боль, равнодушие, недовольство, огорчение, тоска, стеснение, безразличие, нервозность, неуверенность, неудовлетворенность, обида, отвращение, скорбь*; а также эмотивы амбивалентных эмоций: *интерес, сочувствие, удивление* и такой эмотив как *влюбленность*. Эти данные наглядно демонстрируют ситуацию, когда юноши и девушки говорят на разных языках. Очевидно, что в ситуации межличностного общения девушкам будет существенно не хватать информации о переживаниях и состоянии сверстников противоположного пола. Тогда как юноши могут испытывать дискомфорт от того, что их сверстницы оперируют слишком большим объемом понятий, излишне дифференцированно отслеживая и артикулируя как свои переживания, так и эмоции окружающих. Однако необходимо подчеркнуть, что, несмотря на меньший объем активных эмотивов, юноши нередко используют очень специфические понятия, т.е. они очень индивидуально отбирают вербальные формы, призванные репрезентировать их чувства и эмоции. Очевидно, что это еще один фактор для усиления непонимания между юношами и девушками в этой возрастной группе, отражающий тенденцию юношей глубоко личностно передавать свои переживания, подчеркивать их неповторимость, несхожесть с эмоциями окружающих.

Важно подчеркнуть, что среди высокочастотных эмотивов испытуемых преобладают концепты, несущие высокий уровень интенсивности переживания. Это дополнительно характеризует сферу подростков как эмоционально-напряженную, что отображается в

отбираемом из языка лексическом материале для фиксации собственного эмоционального опыта и переживаний окружающих.

Количественная оценка предполагала сравнение объемов активного словаря эмоций у девушек и юношей. Как показал анализ данных, у девушек выражен высокий (18-24 эмотива) уровень и имеются очень высокие значения (25 и более эмотивов), характеризующие объем словаря эмоций. У юношей существенно больше низких показателей (менее 10 эмотивов).

Вычисление достоверности гендерных различий с помощью t-критерия Стьюдента показало значимость на уровне 0,99. Таким образом, в возрасте 14-15-ти лет девушки существенно превосходят юношей в способности вербализировать эмоциональный опыт и дифференцированно описать переживания, как собственные, так и окружающих. Таким образом, можно заключить, что девушки в 14-15 лет стремятся к расширению своего словаря эмоций, интенсивно обмениваются знаковыми формами репрезентации эмоций, в результате чего у них выделяется значительная группа понятий, активно используемых большинством девушек этого возраста. У юношей наблюдается тенденция к подчеркиванию индивидуальности своих переживаний за счет активного использования специфических эмотивов, которые в итоге редко употребляются в данной поло-возрастной группе.

Общий список эмотивов в выборке девушек 16-17-ти лет составил 120 понятий. Наиболее частотными оказались: *радость* (88,6%), *любовь* (86,4%), *страх* (59,1%), *грусть* (54,5%), *ненависть* (52,3%). Тенденция увеличения объема общегруппового и индивидуальных словарей эмоций у девушек к периоду окончания школы полностью подтверждается.

Общий список эмотивов в выборке юношей 16-17-ти лет составил 94 понятия, что количественно соответствует объему общегруппового списка юношей 14-ти лет (93 понятия). Однако и по содержанию, и по распределению частотных эмотивов общегрупповые списки юношей 14-15-ти и 16-17-ти лет существенно различаются. Так, у юношей 16-17-ти лет больше высокочастотных (набравших более 50% частотны упоминаний) эмотивов, которые полностью покрывают высокочастотные эмотивы юношей 14-15-ти лет: *любовь* (75%), *радость* (68,8%), *гнев* (65,6%), *злость* (62,5%), *страх* (56,3%), *ненависть* (53,1%). Как видно из данного перечня, высокочастотными в данной выборке стали негативные переживания – *гнев, ненависть, страх,* которые имели значительную частоту в выборке 14-15-летних юношей, но упоминались менее чем 50% испытуемых. Также у 16-17-тилетних юношей больше эмотивов, набравших свыше 10% частоты упоминания. Если у подростков это 25 эмотивов, то у юношей – 32, при этом убывание частотности происходит более плавно. Этот факт указывает на увеличение объема общегрупповых эмотивов, некоторую универсализацию в юношеском возрасте (в противовес

индивидуализации в подростковом) используемых понятий при вербализации эмоционального опыта. В первую очередь это достигается за счет увеличения объема индивидуального словаря эмоций: различия между подростками и юношами, вычисленные по t-критерию Стьюдента, достоверны на уровне 0,99.

В целом, можно отметить тенденцию нарастания интенсивных негативных переживаний в юношеском возрасте, что противоречит имеющимся литературным данным, согласно которым, именно подростковый период характеризуется интенсивными отрицательными переживаниями, тогда как юношеский описывается как рациональный, уравновешенный, ориентированный на логику и даже некоторое «резонерство». Можно предположить, что избыточная рациональность является в юношеский период лишь компенсаторной попыткой скрыть от окружающих интенсивные негативные переживания, а рассудочность и логичность представляют собой способ овладения энергией этих импульсов. Более того, следует признать нормативность такого рода реакций, ведь в этот период активно развивается абстрактно-логический интеллект, перед юношей встает множество задач, связанных с самоопределением, выбором жизненного пути, что нередко входит в конфликт с потребностью в близости, поддержании контактов с семьей. Отсюда – частотность таких эмоций, как *гнев, злость, ненависть*, наряду с *любовью, восхищением, симпатией.* При сопоставлении наиболее частотных эмотивов, можно отметить, что в выборке юношей этот перечень существенно покрывает перечень подростков, за исключением таких эмотивов, как *возбуждение и бодрость*, характеризующих в значительной мере физиологическую составляющую эмоциональной реакции, а также *обиды, скорби и горя* – пассивных реакций, которые, по-видимому, к юношескому возрасту становятся неприемлемы с позиций автостереотипов маскулинного поведения. Обращает на себя внимание частотность у юношей таких эмотивов, как *апатия, равнодушие, безразличие* – возможно, это отражает механизм защиты от интенсивных переживаний, таких как *отчаяние, неудовлетворенность, тоска* – принятие состояния нечувствования позволяет юноше в некоторой степени снять напряженность, отвлеченно осмыслить тот круговорот переживаний, в который он оказывается погружен. Важно отметить и частотность таких эмотивов, как *зависть, ревность, огорчение* – что явно указывает на большое количество неудовлетворенных потребностей, как в близких межличностных отношениях, так и в плане самоутверждения себя как взрослого, самостоятельного человека, что особенно характерно для данного возрастного периода.

В заключении следует отметить, что количественный прирост активного словаря эмоций, развитие содержания вербальных знаков эмоций и чувств, степень их напряженности и интенсивности хорошо согласуются с описаниями особенностей учащихся

подросткового и старшего школьного возраста, что позволяет рассматривать активный словарь эмоций как важный показатель личностного развития, отражающий уровень овладения субъектом общекультурного чувственно-эмоционального опыта.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно- исследовательского проекта РГНФ «Формирование словаря эмоций и развитие точности опознания эмоций по лицевой экспрессии», проект № 11-36-00332а2.

Список литературы

1. Иванова Е.С. Исследование взаимосвязи эмоционально-личностных особенностей и активного словаря эмоций. // Дисс. канд. психол. наук. – Екатеринбург: Уральский гос. ун-т., 2007. – 154 с.
2. Попов О.В. Концепты эмоций в русском, английском и испанском языках // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2007. - №1. – С. 74-80.
3. Семенова Т.В. Вербализация эмоций человека в зеркале антонимии // Вестник ЧелГУ, Сер. Филология. Искусствоведение. – Вып. 40. – 2010 - №4. – С.156-159.
4. Серкин В. П. Методы психосемантики. – М.: Аспект Пресс, 2004. – 207 с.
5. Эмотивный код языка и его реализация / Под. ред. В.И. Шаховского. – Перемена, 2003. – 174 с.

Рецензенты:

Токарева Ю.А., д.псх.н., профессор, зав.кафедрой социальной психологии и психологии семьи, НВПОУ «Уральский гуманитарный институт», г. Екатеринбург.

Воронин В.М., д.псх.н., профессор, ФГОАУ ВПО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина», г. Екатеринбург.